

Ю.А. Кимелев

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Современное историческое познание реализуется в теоретических формах философии истории (пересекающейся с концептуализациями истории в западнохристианской теологии)¹ и научной историографии. В последние десятилетия можно говорить об исторической социологии как об особой форме исторического познания. Каждая из этих форм постижения истории служит объектом метатеоретической рефлексии.

Как известно, методологическая рефлексия набравшего силу исторического познания стала в XIX в. основной движущей силой метатеоретической проблематики социальных наук. В первую очередь это было связано с институционализацией исторических наук.

Так сложилось, что определенная разновидность философии истории выполняет функцию методологической, метатеоретической рефлексии и по отношению к другим разновидностям философии истории, и по отношению к научной историографии. В связи с этим необходимо, прежде всего, рассмотреть в общих чертах предметную сферу и основные виды философии истории. Кроме того, практически во всех современных социальных науках заметное место занимают исторические исследования. Среди этих исследований преобладают те, что ориентированы на изучение исторических реальностей в соответствующей дисциплинарной ретроспективе. Вдобавок каждой дисциплиной изучается ее собственная история.

Можно утверждать, что все большее значение приобретают междисциплинарные кооперационные усилия, так что сегодня правомерно говорить о междисциплинарном сообществе социальных ученых, предметом исследовательской деятельности которых является история.

Историческая социология – одно из наиболее ярких проявлений такой тенденции. Помимо социологических и историографических устремлений, синтезированных уже в самом обозначении, укажем, что историче-

¹ Теология истории (термин образован по аналогии с философией истории) как составная часть теологического комплекса по понятным причинам остается вне нашего рассмотрения. О теологии как о виде теоретической деятельности см.: [Кимелев, 1989; 1998].

ская социология так или иначе интегрирует элементы экономической истории, социальной истории, политическую науку (и политическую социологию, само собой разумеется). Все это неизбежно проявляется и в методологии.

Философия истории как вид постижения истории

Предметом философии истории является историческое измерение человеческого бытия и возможность его осознания и познания. Термин ввел в философию Вольтер (так называлась одна из его работ). В философии истории объектом исследования является всемирная история как нечто целое или тот или иной сегмент исторической жизни людей. Особую сферу философии истории образует философский анализ границ, возможностей, форм и методов исторического познания.

Из такого понимания следует принятое в XX в. разделение философии истории на два вида. Первый осуществляет философскую тематизацию, исследование и осмысление исторического процесса как определенной *бытийной сферы*, как одного из главных контекстов существования человека. Такую философию истории, наиболее ярко воплощенную в классических образцах (философия истории Дж. Вико, И. Гердера, Г. Гегеля, К. Маркса и др.) и имевшую явное преобладание в истории этой философской дисциплины, принято называть *материальной, онтологической* или *субстанциальной* философией истории. Второй вид философии истории, связанный с осмыслением природы исторического познания, соответственно обозначается как *критическая, аналитическая* философия истории (последнее название распространено в англоязычной литературе, где большинство работ по эпистемологии и методологии исторического познания написано представителями аналитической философии). Этот вид философии истории и станет позднее объектом нашего рассмотрения.

Философия истории как онтология истории призвана указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории. Разумеется, в конкретных концепциях делается акцент на одной из этих целей. Однако в той или иной степени всегда присутствуют и остальные цели, что обусловлено самой сутью данного типа философско-исторического мышления.

Первая треть XX в. отмечена появлением новых субстанциальных построений, таких как философско-исторические учения О. Шпенглера и А. Тойнби, которые вызвали очень большой резонанс. Впоследствии по существу не было попыток создать единую концептуальную картину всемирной истории. Философско-историческая мысль осознала всю проблематичность оперирования сущностями, которые традиционно полагались в качестве крупномасштабных субъектов истории, воспринимавшихся также и как носители исторического смысла (дух народа, нация, государство, объективные закономерности истории и т.п.). Общим стало и представление о невозможности универсального телеологического детерми-

низма. Поэтому стала сомнительной тематизация какого-либо будущего или тем более окончательного исторического состояния, которое необходимо должно наступить и способно поэтому объяснить прошлое и настоящее через их движение к этому состоянию. Некоторые функции субстанциональной философии истории, в первую очередь те, что были традиционно связаны с установлением некоего общего «диагноза эпохи», перешли к другим сферам знания, прежде всего к теоретической социологии. Эту ситуацию можно рассматривать как известное завершение процесса перехода ряда функций философии истории к социальным и гуманитарным наукам, который начался еще в XIX в.

В классической философии истории присутствовали все те формы философско-исторической рефлексии, которые в дальнейшем представляли в обособленном виде. Классические философско-исторические концепции включали, соответственно, не только концептуализации исторического процесса, но и обоснования возможности таких концептуализаций, а также элементы методологической рефлексии научно-историографического исследования. Разумеется, классические философско-исторические построения содержат и размышления о значении истории для человека, его места и роли в ней.

В XIX в. начала формироваться и завоевывать признание философия истории второго вида. В работах И. Дройзена, В. Дильтея, в исследованиях по логике исторического познания В. Виндельбанда и Г. Риккерта, в дискуссиях по проблемам историзма, в анализах природы исторического познания Б. Кроче, Р. Коллингвуда и др. была заложена и развита традиция критической философии истории. В 1940–1950-е годы к исследованию природы исторического знания подключился целый ряд философов, принадлежащих к аналитической традиции (К. Гемпель, М. Мандельбаум, И. Берлин, А. Данто, У. Дрей, Х. Уайт и др.). Эта философия истории стремилась ответить на следующий круг вопросов. В чем состоит специфика исторического знания, каковы его связи с донучным историческим сознанием, со смежными социальными и гуманитарными науками? Каково соотношение понимания и объяснения в истории? Применяют ли историки общие с другими науками схемы объяснения или же есть специфические формы исторического объяснения? Каково значение ценностных суждений в историческом познании и как наличие таких суждений соотносится с объективностью исторического знания? Существует ли теоретический уровень исторического знания или историческая наука ограничивается только описаниями фактов и событий? Как строится историческое описание (нарратив)? Можно ли считать, что нарратив заключает в себе определенную логику понимания и объяснения?

В конце XX – начале XXI в. западная философия истории в ее материальной разновидности предстает как совокупность философских концептуализаций, связанных с различными, отчасти разрозненными проблемными комплексами. Это исследования истории философии истории,

среди которых особое место занимают те, что ориентированы на оценку судеб и теоретического потенциала классического образца философско-исторической мысли в нынешних условиях. Предпринимаются попытки философского постижения исторической реальности в ином или ограниченном по сравнению с классическими образцами формате: исследования различных «временных слоев» истории; изучение в философско-исторической перспективе историко-трансформационного потенциала техники; сопоставление понятий «глобализация» и «всемирная история»; различные концептуализации «конца истории». Философско-исторический характер по существу носят некоторые общие социально-научные концептуализации «модерна» и «постмодерна». Философско-историческая проблематика «человек и история» предстает в основном в форме исследований исторической идентичности, индивидуальной и групповой, а также в форме анализа и критики постмодернистского тезиса о «конце субъекта» в его приложении к истории.

Философское изучение условий и возможностей исторического познания в конце XX – начале XXI в., как и прежде, выступает в двух основных разновидностях. В европейской философии истории эпистемологического типа продолжают дискуссии между философско-трансцендентальными, герменевтическими и аналитическими подходами. Аналитическая философия истории (другая разновидность) разрабатывает традиционную для нее тематику: природа исторического факта; объяснение и понимание; ценностные моменты в историческом познании. Определенным приоритетом в настоящее время обладает проблематика исторического нарратива, что связано с использованием новых теоретических разработок из других областей аналитической философии, в частности проблематики фикционалиста дискуса.

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время широко распространено мнение о том, что философия истории принадлежит прошлому, причем безвозвратно. Такое мнение проистекает главным образом из отождествления философско-исторической мысли с классической философией истории, представляющей собой так называемую материальную, или субстанциальную философию истории с ее концептуализацией истории как единого исторического процесса, имеющего объективно постижимые причины и структуру, а также определенную направленность телеологического характера.

Вместе с тем общепризнано, что в настоящее время философию истории нельзя отождествлять только с классическим философско-историческим проектом. Философия истории сегодня – это не четко очерченный канон признанных концептуализаций и понятий. Ее нельзя также считать выражением какого-нибудь единого исторического мировоззрения или идеологии.

После краткой общей характеристики философии истории как одной из традиционных форм теоретического постижения истории, а также пос-

ле характеристики состояния философско-исторического дискурса в настоящее время сосредоточим внимание на тех сегментах этого дискурса, которые имеют непосредственное отношение к тематике данной работы.

Это означает, что объектом рассмотрения станет нынешнее состояние той формы философии истории, которая связана с изучением функций и возможностей теоретического исследования истории.

В настоящее время крайне мало работ, специально посвященных метатеоретическому анализу материальной философии истории, т.е. работ, исследующих возможности, характер и границы философско-исторической теории материального типа. Можно выделить некоторые виды таких текстов.

Отметим прежде всего усилия доказать принципиальную возможность материальной философии истории. Как правило, речь идет о философско-исторических концептуализациях материального типа, содержащих и метатеоретические размышления оправдательного характера. Таким образом, на обоснование возможности материальной философии истории указывают и факт осуществления соответствующей концептуализации, и эксплицитные метатеоретические рассуждения. При этом такие рассуждения чаще всего носят характер критики «критики философии истории», опровержения критических и скептических аргументов оппонентов материальной философии истории.

В качестве наглядного примера можно привести философско-историческую концепцию немецкого философа Иоганна Робек [Rohbeck, 2000]. Во многих отношениях эта концепция строится на противопоставлении критике философии истории, строится как контркритика аргументов, отрицающих саму возможность материальной философии истории в современных условиях. В содержательном плане концепция базируется на анализе научно-технического и экономического процесса от середины XVIII в. до настоящего времени, т.е. на анализе движения технико-экономической цивилизации. А «неисторичность» такой цивилизации образует один из главных тезисов о «конце истории» и «постистории». Эти тезисы в многообразных вариантах служат обоснованию исчерпанности и невозможности субстанциалистской философии истории.

Свою критику критики философии истории И. Робек квалифицирует как попытку «реабилитации философии истории». Подобная попытка должна заключаться не только в согласии с ее общепризнанными «остаточными функциями», но и в указании на те «мыслительные мотивы», неотделимые от философии истории, которые оказались преданы забвению. Одним словом, речь идет о проекте «спасающей критики».

При рассмотрении подобных «мыслительных мотивов» целесообразно соотнести с началом европейской философии истории, которое И. Робек увязывает с эпохой Просвещения, с французской, английской и немецкой исторической мыслью второй половины XVIII в. Речь идет, прежде всего, о просветительской идее всеобщей истории, под которой

английские, французские и немецкие мыслители понимали конкретный процесс универсализации в сфере мировой торговли, глобального транспортного сообщения и связи, а также универсализацию научного исследования. Именно этот еще только начавшийся процесс показал реальную возможность всемирной истории.

Содержанием просветительской философии истории было возникновение модерна и процесс модернизации. Процесс цивилизации в сферах науки, техники и экономики образовывал и основу идеи прогресса. С этой идеей увязывалась оценка предыдущей истории, понимание настоящего и надежды на будущее. Философия XVIII в. поэтому ближе нам, чем философия истории XIX в. с его идеями национального государства и народного духа.

И. Робек отвергает обвинение в адрес просветителей в том, что они «наивно» подходили к своему предмету, не обращаясь к методологической рефлексии. Они соблюдали требование удостоверения исторических источников. Кроме того, в соответствии с просветительским понятием философии они стремились в первую очередь к установлению причин исторических изменений. В свое каузальное объяснение философы-просветители включали и социально-научное знание, прежде всего политэкономическое.

На вопрос о том, кто «делает» историю, просветители со времен Вико отвечают: историю делают люди. Человеческий род делает возможной всемирную историю и реализующийся в ней прогресс. Вместе с тем в истории не реализуется какой-либо осознаваемый людьми план. Телеология в истории, если она и присутствует, реализуется как бы вне зависимости от осознанных намерений и целей людей, тем более в истории не происходит реализация коллективно осознанных и запланированных целей. Просветители, а вслед за ними и мыслители XIX в. осознавали это обстоятельство.

Следует сохранить идею просветителей о том, что субъектом истории является человеческий род. Понятие человеческого рода должно постигаться как реализующаяся в череде поколений «связь воспроизводства» социально-исторической жизни. Человеческий род можно представить как некий единый субъект действия, если интенциональность человеческого действия понимается «нетелеологическим образом». Соответственно род не следует представлять как субъект, который в состоянии планировать и осуществлять свою историю. Исторические процессы приводят к результатам, к которым никто не стремился. В истории пересекаются и накладываются друг на друга действия, которые всегда производят лишь случайные образования.

И. Робек претендует на разработку философии истории «среднего масштаба», поскольку концентрирует внимание на процессе индустриализации, не проводя при этом прямых параллелей с развитием других сфер жизни. Соответственно его проект ограничивается историческим временем от середины XVIII в. до настоящего времени. Речь идет о «материаль-

ной философии истории». Оправдание своему подходу И. Робек видит и в том, что практически все критики философии истории в центр своего интереса также ставят научно-технический и экономический процессы, техническую цивилизацию, причем при обсуждении этой проблематики ими же используются философско-исторические формы мышления. Особенно наглядно это видно на примере критики идеи прогресса. Технический прогресс признается, причем как нечто самоочевидное, в качестве «направляющей линии» истории. И сторонники тезиса о «конце истории» также исходят из фактически философско-исторической оценки технического прогресса, поскольку в основе их позиции лежит посылка о том, что техническая цивилизация сама по себе не способна порождать «смысл жизни». Постистория – техническая цивилизация без культуры и, следовательно, без истории.

Макроисторическое видение может выражаться синонимическими понятиями всеобщей, всемирной и глобальной истории. «Всеобщая история» и «всемирная история» универсальны «по идее», они функционировали в эпоху, когда историческое объединение человечества еще не было в полной мере реальным процессом. «Глобальная история» соотносится с действительным и очевидным процессом «глобализации». Речь идет о «реальном обобществлении» человечества. Можно выразиться и таким образом, что понятие глобальной истории обозначает процесс реализации всемирной истории.

И. Робек выделяет три установки по отношению к прогрессу, в первую очередь техническому прогрессу. Первую установку разделяют все те позиции, начиная от Просвещения и до сегодняшнего дня, которые провозглашают утвердительное и позитивное отношение к «проекту модерна». Вторая установка – установка радикальной критики по отношению к цивилизации эпохи модерна. Совокупность соответствующих позиций образует «негативную философию истории». Третья установка проявляется в провозглашении «конца истории» и характеристике современной эпохи как «постистории».

Указанные установки и объединяемые ими различные позиции определяются в конечном счете исходя из отношения к сфере труда и техники. Так, негативные установки проистекают из «критики техники».

Если негативизм в отношении прогресса и возможности позитивной философии истории «питается» критикой техники, то определена та аргументативная сфера, в рамках которой можно осуществить систематическую реконструкцию позитивной философии истории. Соответственно путь к реабилитации философии истории, какой она представляется автору, лежит через демонстрацию позитивного исторического потенциала техники, прежде всего ее культурного потенциала.

Концепция И. Робека была реконструирована с целью продемонстрировать новейший образец философии истории материального типа, что само по себе может считаться метатеоретическим опровержением тезиса о

невозможности такой философии истории в современных условиях. Другой целью было показать эксплицитную метатеоретическую аргументацию, ориентированную на «реабилитацию» философии истории такого типа.

Размышления о возможностях философского постижения истории и историчности человека могут реализовываться и вне связи с каким-то раз-вернутым субстанциальным философско-историческим построением. В современной европейской философии, особенно немецкой, подобные раз-мышления по-прежнему зачастую связываются с проблематикой историзма. Эта проблематика занимает важное место и в философско-историческом дискурсе, и в разнообразных культурологических концептуализациях. Ис-торизм обсуждается и как онтологический тезис относительно социально-исторического мира, и как общая характеристика ряда философских и социально-научных методов постижения этого мира, в частности такого видения истории, как «герменевтический историзм».

В целях подтверждения высказанного обратимся к работе Герберта Шнедельбаха «Смысл в истории? – О границах историзма» [Schnädelbach, 2000]. Шнедельбах видит свою задачу в «поиске границ исторического мышления». Он утверждает, что сегодня, как и прежде, перед философией стоит проблема сочетания и совместимости натурализма и историзма. Для решения этой проблемы необходимо определить границы каждого из та-ких способов видения вещей.

Исходным моментом является «тривиальная» посылка о том, что ис-торическое отличается от природного тем, что помимо описания и объяс-нения к историческому применимо и «понимание». Понимание означает «понимание смысла». В соответствии с воззрениями историзма «истори-ческое в отличие от просто природного является осмысленно-понятным» [Schnädelbach, 2000, S. 129].

Ориентация на смысл действия многообразно пересекалась с тради-цией, видевшей в истории какой-то сообщаемый ею смысл. «Связь смысла действия и сообщаемого смысла не представляла собой проблему до тех пор пока происходящее в истории понималось – в традиции иудео-христианской истории спасения – как обхождение Бога с людьми. История свидетельствует о действии Бога и смысле этого действия. Речь идет о со-общаемом смысле» [Schnädelbach, 2000, S. 135]. Но если люди – сами творцы своей истории, то что может сообщать история? Соответственно в условиях полной профанности и смысл действия становится загадкой.

У последователей В. Дильтея, у М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера по-нимание приобретает фундаментальное значение для обхождения человека с миром, и тем самым приобретает универсальное значение герменевтика. С точки зрения проблематики смысла не составляет особой разницы, укоре-няются ли акты понимания в «жизненной связи» (переживание, выраже-ние и понимание), в некоем изначальном понимании, присущем человеку как «здесь-бытию», или в постоянно продолжающемся событии воздейст-вия тех или иных исторических явлений. М. Хайдеггер и его школа не

преодолели историзм. «Переход от историзма к экзистенциалу “историчности” означает лишь тотализацию историзма под знаком смысла сообщения, поскольку основу историчности, по Хайдеггеру, образует онтически фундированное понимание бытия, присущее человеку, которое происходит в горизонте его временности» [Schnädelbach, 2000, S. 139].

Герменевтический историзм в своем толковании исторического означает «гипертрофию сообщаемого смысла». То обстоятельство, что смысл действия становится нам доступным, как правило, через сообщения действующих людей, приводит герменевтиков к тому, что смысл действия полностью растворяется ими в смысле, который содержит сообщение. В то же время европейская традиция исторического мышления являет и «гипертрофию смысла действия». Это происходит тогда, когда из рассказа о истории спасения и ее секулярных производных удаляется сообщаемый смысл, и исторически понятное сводится лишь к действиям людей. В таком случае смысловые образования, связанные с сообщениями – «надстройка», мир символического, институты, – предстают только как эпифеномены смысла действия. В действительности все подобные позиции отстаивают такой же радикальный культурализм, как и герменевтический историзм. История разворачивается по ту сторону природы или только на ее границах, и это не может становиться источником смысла истории. Ни гегельянцы, ни марксисты, ни У. Джеймс, ни Дж. Дьюи не признавали каких-либо природных ограничений для исторически возможного и осмысленного. (Эти утверждения Г. Шнедельбаха могут служить подтверждением нашего высказанного выше тезиса о том, что в традиции западной философии всегда предпринимались усилия определить тем или иным образом онтологический статус социально-исторического мира по отношению к природной реальности.)

И все же историки и теоретики историзма не утверждали универсализацию смысла сообщения в такой мере, в какой ее приписывала им герменевтическая онтология. Они признавали за смыслом действия определенное ограниченное право. Не герменевтический метаисторизм в духе М. Хайдеггера, а критика историзма способна содействовать попытке определить границы, в которых можно вести речь о смысле в истории. Следует сосредоточиться на постижении субъективного смысла действия в истории.

Герменевтики настаивают на том, что мир открыт нам языково и исторически. В связи с этим они выступают против некритического натурализма в духе К. Лёвита. По мнению Г. Шнедельбаха, им следует возразить. Историческое просвещение уже нельзя отменить, но из него не вытекает гипертрофированный историзм. Наша историчность включает природность, но не как «снятый момент» и не как лишь экзистенциал. Конечно, и знание о нашей природности было получено нами посредством языка и в истории, но это не означает, что следует придерживаться герменевтиче-

ского идеализма с его утверждением о мире, полностью понятном в его бытийном смысле.

Необходимо четче определить границу между природным и историческим. Эволюционистская темпорализация природы привела к тому, что различие между натурализмом и историзмом уже нельзя обосновать онтологически. Здесь может оказаться полезным обращение к «повествованию». Оно открывает структуру эволюции в природе и культуре. Различие между природой и культурой заключено в «рефлексивности эволюции». Природа и культура соотносятся как эволюция и рефлексивная эволюция. Лишь посредством рефлексивности эволюции субъективный смысл действия становится предметом истории. Повествовательная речь о значимости действия выходит за пределы указания на каузальные и функциональные факторы, а также последствия действия. «Смысл в истории дан только как нарративный смысл в историографии, т.е. как смысл незавершенной множественности историй, которые можно рассказать об истории, понимаемой как рефлексивная эволюция» [Schnädelbach, 2000, S. 148].

Аналитическая философия истории

Общая характеристика философии истории, предложенная выше, была также и характеристикой ее формы, связанной с метатеоретической рефлексией относительно возможностей теоретического постижения истории в философии истории материального типа и в научной историографии.

Генетически и по существу данная разновидность философии истории связана с проблематикой постижимости человеческого социально-исторического мира. Постановка таких проблем означала оформление характерного для Нового времени подхода к истории, соответственно означала оформление специфической нововременной философии истории.

Философия истории в форме «теории историографии» представляет собой эпистемологические и методологические разработки, исследования, охватывающие широкий спектр вопросов от вопросов о нашем когнитивном доступе к «историческим фактам» до вопросов возможности исторических объяснений.

В настоящее время философия истории, исследующая условия и природу исторического познания, представляет собой по преимуществу философскую рефлексию относительно реальной практики познания прошлого, прежде всего практики академической институционализированной исторической науки. Это реальная практика, опирающаяся на мощный институт университетской историографии.

Разумеется, при этом речь не идет о сугубо дисциплинарных, «технических» методологических разработках. Это дело самой историографии. Философия истории обращается главным образом к философско-эпистемологическим и методологическим аспектам теоретического познания

прошлого. В связи с этим можно утверждать, что фактически речь идет о «метатеории истории».

При характеристике нынешнего состояния философско-исторического дискурса мы провели различие между «европейской» и «аналитической» разновидностями в философском изучении условий и возможностей исторического познания. Это различие очень условно, во-первых, потому, что географическое по существу обозначение противопоставляется сугубо содержательному; во-вторых, в силу того обстоятельства, что в настоящее время соответствующие философские разработки какого бы то ни было рода немислимы без соотнесения с аналитической философией истории.

Тем не менее есть определенный смысл в проведении указанного различия, поскольку оно указывает на специфику аналитической философии истории, по меньшей мере оттеняет ее своеобразие через сопоставление с «историкой» (принятое в немецкой традиции обозначение для преимущественно философских разработок методологической проблематики историографии) с ее традиционной ориентацией на трансцендентал-философские и герменевтические методы.

Мы сосредоточим внимание на рассмотрении аналитической философии истории, преимущественно англоязычной. Аналитическая философия истории весьма разнообразна. На протяжении нескольких десятилетий были выработаны различные подходы, нередко конфликтующие, предпринимались усилия с целью установить основные разногласия и, по возможности, устранить их.

В настоящее время наиболее важными из проблем, исследуемых аналитической философией истории, представляются те, что связаны с философским реализмом, с объяснением, а также с нарративизмом. С ними так или иначе оказываются увязанными и большинство других проблем, обсуждаемых в аналитической философии истории. Подчеркнем, что, как и прежде, все рассуждения соотносятся с готовым историографическим текстом – его логикой, использованными языковыми, в частности стилистическими, средствами.

Проблематика реализма – это проблематика онтологического статуса прошлого. Существование прошлых событий является необходимой предпосылкой исторического дискурса – и историографического, и философско-исторического. Если не приходится сомневаться в существовании прошлых событий, то не исключено, что возможно историческое познание, философско-историческое в том числе.

Интересную и, что очень важно, достаточно полную реконструкцию разработки проблематики реализма в аналитической философии истории предложил Леон Помпа [Pompa, 2003]. Л. Помпа констатирует, что историки обычно занимают реалистские позиции в отношении знания. Это включает три утверждения: индивидуальные события, действия и происшествия действительно имели место в прошлом; истинные исторические утверждения или факты являются утверждениями о таких происшествиях;

такие утверждения известны потому, что в настоящем имеется достаточно свидетельств о них. Такая позиция обманчиво проста и была оспорена применительно к каждой стадии, отмечает Л. Помпа.

Реализм предполагает, что прошлое, которому привержены историки, есть *независимое* прошлое, т.е. прошлое, наполненное событиями, которые имели место независимо от того, будем ли мы когда-нибудь знать что-либо о них. Историки видят свою задачу в раскрытии содержания прошлого, а не в создании его.

Такой подход оспаривается, однако, идеалистическим воззрением, оспаривается посредством теории, известной в настоящее время как «конструкционизм». В соответствии с конструкционистской позицией историки способны постигать истины о прошлом, однако это не прошлое, как мы его обычно понимаем, т.е. как независимое прошлое с реальными событиями, ожидающими того, чтобы быть обнаруженными. Речь идет о специфическом «историческом» прошлом, которое существует как нечто, что мы конструируем исходя из наличных свидетельств. Если бы мы стали обладателями новых свидетельств и стали конструировать по-иному, то изменилось бы не только наше знание, но изменилось бы и само историческое прошлое. Но в таком случае было бы ложным и стандартное историческое верование реалистского характера, а также понимание знания, которое предполагается им.

Главное обоснование такой позиции состоит в том, что если нет реального прошлого, то оно не может выполнять функцию верификации того или иного исторического объяснения. Следовательно, то прошлое, которое представляет нам историк, – это не прошлое, каким оно могло бы быть само по себе, а прошлое, соотношенное только с нашей способностью объяснить наши верования относительно свидетельств. Идея о том, что историки раскрывают прошлое, которое существовало независимо от нашего знания о нем, отвергается в пользу идеи о прошлом, которое существует только как конструкция, призванная объяснять наличные свидетельства. Данное воззрение имеет сходство с некоторыми формами научного *антиреализма*.

Конструкционизм включает ту же предпосылку, которую делал Рассел: поскольку исторические утверждения – это утверждения о прошлом, которое мы уже не можем воспринимать, т.е. что-то проблематичное в его онтологическом статусе. Однако это очень сомнительная посылка, считает Л. Помпа, поскольку большинство видов знания, как повседневного так и научного, относятся к тому, что ненаблюдаемо в настоящее время (скорость света или существование нейтронов). Если бы дело обстояло так, что утверждение о чем-то ненаблюдаемом не могло бы быть утверждением о независимой реальности, то набор утверждений о том, что мы считаем реальными сущностями, должен быть заменен набором утверждений о сконструированных сущностях.

Возражения, однако, не исключают того, что историческое знание получается посредством использования аргументации, причем так, как об

этом говорит конструкционизм. Возражения лишь показывают, что нет оснований считать, что аргументы приводят к результатам, к утверждениям о каком-то «историческом» (историографическом) прошлом, а не о реальном прошлом, которое можно постигать рядом различных способов, заключает Л. Помпа.

Для понимания того, какую роль проблематика объяснения играет в аналитической философии истории, обратимся к работе одного из наиболее известных ее представителей Артура Данто с примечательным названием «Закат и конец аналитической философии истории» [Danto, 1996]. Здесь судьбы аналитической философии истории вообще увязываются с этой проблематикой. А. Данто утверждает, что если сильно упрощать, то начало аналитической философии истории можно связывать с публикацией классической работы Карла Гемпеля «Функция общих законов в истории» (1942) [Гемпель, 2000]. Рассмотрение А. Данто воззрений К. Гемпеля призвано указать на то место, которое проблематика объяснения всегда занимала в аналитической философии истории.

К. Гемпель, невзирая на все критические возражения, не видел, по мнению А. Данто, оснований для пересмотра своих воззрений на историческое объяснение, равно как и разработанной совместно с Полом Оппенгеймом более объемной общей теории объяснения («Исследования по логике объяснения» 1948 г.).

Опубликованная в 1965 г. книга «Аналитическая философия истории» самого А. Данто призвана была показать, что объяснение, как его понимал К. Гемпель, вполне совместимо с повествованием. Это означало защиту «модели покрывающего закона» от утверждений, что нарративистские модели представляют собой полную альтернативу указанной модели.

Действительно, отметим, что значительная часть усилий историков направлена на объяснение того, что произошло в прошлом. Анализ того, как надлежит осуществлять объяснение, является предметом споров. Эти споры связаны с противостоянием двух точек зрения. Первая заключается в том, что следует разрабатывать доказательные объяснения. В соответствии со второй следует стремиться к какой-то форме понимания действий людей.

Точка зрения, согласно которой объяснения в истории являются или должны быть той же формы, что и объяснения в естественных науках, была, как в очередной раз подчеркнул А. Данто, наиболее ярко и полно представлена К. Гемпелем. Тезис К. Гемпеля, ставший известным как «модель покрывающего закона», или дедуктивно-номологическая модель, включает два момента: объяснить событие значит показать его предсказуемость, а чтобы показать предсказуемость события, следует показать, что его можно подвести под какой-то набор каузальных законов.

Сильная сторона модели покрывающего закона состоит в том, что объяснение должно показать, почему произошло такое событие, а не другое. Но это означает, что речь фактически идет о детерминистском объяс-

нении. Именно данное обстоятельство послужило основной причиной наиболее сильных возражений против указанной модели.

Наибольшее внимание привлекают возражения, которые заключаются в указании на то, что материал историографии таков, что модель неверна в принципе. Особый вес имело возражение, состоящее в указании на то, что модель не способна воздать должное уникальности исторических событий и индивидов. Однако нельзя отрицать, что при всей уникальности исторических событий их следует описывать в общих терминах, поскольку только так о них вообще можно что-то сказать. Уникальность не является достаточным возражением против модели покрывающего закона, отмечая его сторонники.

Уникальность может представлять и как указание на деятельность уникальных индивидов, поведение которых не может быть подвластно законам. Сомнения в правомерности подобных утверждений проистекают из того, что объяснения в терминах склонностей (индивидов) несут в себе те же импликации законосообразного поведения, какие требуются моделью покрывающего закона.

Вопрос об индивидуальности приобретает особое значение в связи с тем, что историки обычно интересуются не индивидом как таковым, а индивидом в той или иной роли. Указывается, что нет законов, способных объяснить отношения между индивидом и ролью, и нет законов, способных объяснить историческое оформление и развитие ролей. Следовательно, можно сделать вывод о том, что здесь в принципе неприменима модель покрывающего закона.

Альтернативная модели покрывающего закона модель исторического объяснения предполагает то, что часто называют «рациональной реконструкцией». Центральная идея этой модели состоит в том, что главная задача историка заключается в том, чтобы понять человеческое действие специфически человеческим способом. Историк делает это, когда показывает, что определенное действие представляет собой интенциональное действие, предпринятое в соответствии с определенными верованиями, которые делали такое действие осмысленным для агента, предпринявшего его.

Действие получает объяснение, когда мы понимаем, почему агент решил совершить его. Можно отметить, что это, однако, лишь часть объяснения, поскольку историком интересует не только то, почему люди действовали определенным образом, но и то, были ли их действия успешными или неудачными. Когда установлены причины действия и верования агента, их следует подвергнуть дальнейшему критическому исследованию, поскольку успех или неудача действий зачастую зависят от достоинств или недостатков лежащих в их основе причин и верований.

Если историки пытаются понять действия в терминах рациональной реконструкции, то объяснение будет верным только если они в состоянии установить, какими в действительности были причины действия.

Теория нарратива, или нарративистская теория деятельности историка, по-прежнему вот уже несколько десятилетий находится в центре внимания аналитической философии истории.

Историки традиционно представляли результаты своих исследований в форме повествования, или нарратива. Несмотря на оспаривание роли нарратива, к примеру, теми, кто отдает предпочтение измерениям и считает индивидов и события относительно поверхностными следствиями глубинных структур и процессов (существование которых можно увидеть только со временем), нарратив остается наиболее характерным способом представления исторического знания и предметом оживленных дебатов относительно его эпистемологического статуса и онтологических импликаций.

Освящение истории как академической дисциплины в XIX в., идеал объективной и беспристрастной науки, вообще понимание науки в соответствии с позитивистскими и историцистскими парадигмами – все это уводило в сторону от сосредоточения внимания на нарративной форме, а также от мощной риторической традиции, считавшейся до тех пор чем-то необходимым для освоения ремесла историка. Такое господствующее видение истории как науки, а также отказ от традиционной социальной функции, заключавшейся в легитимизации власти – все это побуждало считать повествование такой формой изложения результатов исследования, которая не оказывает воздействия на содержание презентации «фактов».

Несомненно, одна из заслуг нарративизма в его различных версиях состоит в том, что было обращено внимание на форму повествования и его структуры. А повествование с его структурами считалось только техникой экспозиции, не оказывающей воздействия на информацию, которая содержится в историографическом тексте.

Между проблемами реализма и нарративизма есть связь в интересующем нас аспекте. Рассмотрение проблемы реализма не позволяет увидеть, почему анализ способов повествования должен ставить под вопрос правомерность философии истории. Конечно, нарративная форма структурирует материал, отбирает его и сообщает ему определенную связь. Между теорией повествования и содержанием историографических текстов не существует такой противоположности, которая бы принуждала спасать эту историографию посредством отрицания ее повествовательного характера.

То, что обсуждалось выше, обеспечивает поддержку мнения о том, что историки в состоянии давать знание о происходившем действительности в прошлом.

Одним из самых известных теоретиков философско-исторического нарративизма является Хейден Уайт. Позиция, изложенная несколько десятилетий тому назад в его книге «Метаистория», стала важнейшим источником для разработки нарративизма, а также других подходов аналитической философии истории. И его последние работы, соотносящиеся с

такими разработками, а также с критикой, представляют собой в настоящее время одну из наиболее полных и последовательных версий нарративизма [White, 1996; 2005]¹.

Исходным тезисом для Х. Уайта служит тот бесспорный факт, что для специфически исторических дискурсов типичным является создание нарративных интерпретаций своего материала. Наделение исторических дискурсов письменной формой, их перевод в эту форму порождает специфический объект, историографический текст, который в свою очередь может стать объектом философской, или критической рефлексии.

Современная теория истории поэтому обычно проводит различие между прошлой реальностью, являющейся объектом исследования историка, историографией, т.е. письменным дискурсом историка относительно этого объекта, и философией истории, которая исследует возможные отношения между этим объектом и этим дискурсом.

Х. Уайт напоминает о том, что наш опыт истории неотделим от нашего дискурса относительно истории. Дискурс нужно создать, написать, прежде чем он предстанет как «история». Опыт истории предстает многообразно соответственно многообразию дискурсов в историографии.

Согласно такому подходу «история» представляет собой не просто объект изучения или соотносящееся с ним исследование. Это главным образом определенное отношение к «прошлому», опосредованное тем или иным видом письменного дискурса. Поскольку исторический дискурс находит выражение в специфической форме писания, то необходимо указать на релевантность теории литературы для теории и практики историографии.

Х. Уайт дает краткую характеристику исторического дискурса и присущего ему способа познания. Такая характеристика заключается в указании предпосылок исторического дискурса. Первая предпосылка, причем необходимая предпосылка – существование прошлого. Познаваемость прошлого доказывается тем, что пишутся работы об истории.

Вторая предпосылка. Исторический дискурс не предполагает, что наше познание истории является результатом какого-то определенного исследовательского метода. Выбираемые в качестве объекта исследования события, люди, структуры и процессы могут исследоваться историческим образом как *прошлые* только если они становятся предметом специфического исторического писания.

Подобная характеристика исторического дискурса не означает, как подчеркивает Х. Уайт, что прошлые события, личности, институты и процессы не существовали в действительности. Не означает это также и того, что мы не в состоянии обладать более или менее точными сведениями об указанных явлениях. И тем более это не означает, что такие сведения

¹ В распоряжении автора имеются только немецко- и испаноязычные версии этих работ Х. Уайта.

нельзя превратить в знание посредством методов, применяемых теми или иными «научными» дисциплинами.

Предложенная характеристика призвана указать на то, что имеющаяся у нас информация о прошлом и наше знание о прошлом можно считать «историческими» лишь в том случае, если они становятся темой исторического дискурса.

Исторический дискурс не создает новой информации о прошлом, поскольку он может оформляться только при условии, что мы обладаем сведениями о прошлом. Нельзя говорить и о том, что исторический дискурс дает новые знания о прошлом, поскольку знание всегда есть результат определенного исследовательского метода. Что же производит исторический дискурс? Ответ Х. Уайта состоит в том, что исторический дискурс дает интерпретации тех сведений и тех знаний, которые имеются в распоряжении историка. А интерпретации могут получать различные формы от простых хроник до высокоабстрактных «философий истории». Общим для всех таких форм является обращение к нарративной форме изложения, когда наличествует стремление представить явления, с которыми они соотносятся, в качестве специфически «исторических» явлений.

В соответствии с текстуалистской концепцией репрезентации описание представляет собой средство конституировать те или иные положения дел в качестве возможных объектов исторического интереса, а также в качестве кандидатов на включение в число объектов, достойных того, чтобы быть вписанными в исторический дискурс. Если такой дискурс должен облечься в форму повествования, то объекты, подлежащие репрезентации, должны предстать как носители атрибутов историчности и нарративности.

Историчность того или иного объекта устанавливается посредством описания этого объекта в соответствии с правилами установления свидетельств, которые приняты в каком-то конкретном «сообществе историков» определенной эпохи и места.

По-иному обстоит дело с нарративностью. Нет правил повествования, подобных правилам установления свидетельств (свидетельствования). Это связано с тем обстоятельством, что повествование требует, чтобы агенты, события, институты и процессы были прежде всего изображены, а не концептуализированы.

Изображение различных сил, событий и сцен в качестве элементов драматических конфликтов и разрешения этих конфликтов – это средство конструирования повествовательных интерпретаций исторических процессов.

Существует различие между изображением и концептуализацией исторических событий и процессов. Однако если рассматривать изображения как операцию, которая производит повествовательную репрезентацию, а концептуализацию – как объяснение в форме доказательства, то очевидно, что концептуализация всегда представляет собой абстракцию от какого-то образа. Когда конструируется какое-то историческое прошлое,

то скорее образ предшествует понятию, а не наоборот. В этом, по мнению Х. Уайта, заключено различие между историей в духе Ранке и философией истории в духе Гегеля.

Логика повествовательной интерпретации мира – будь то мира в его прошлом, будь то в его нынешнем состоянии, будь то в отношении между этими состояниями – это «логика образов и тропов», заключает Х. Уайт.

Методологическая проблематика исторической социологии

Современная историческая социология разрабатывается преимущественно в англоязычном мире, прежде всего в Великобритании и США.

При всех различиях в понимании характера исторической социологии можно констатировать несомненное преобладание установки на разработку социологической теории исторической жизни человечества. Если говорить кратко, своеобразие исторической социологии заключается в исследовании долговременных процессов социального изменения и оформления крупномасштабных социальных структур. В предметную сферу исторической социологии могут входить также те или иные исторические эпохи или даже отдельные крупные события исторической жизни. Важнейшим направлением исследовательской работы является историческая компаративистика. В этом историческая социология многообразно пересекается с компаративистской социологией, в методологическом плане в том числе.

Историческая социология уже стала объектом интенсивного изучения. Особый массив образуют работы, ориентированные на методологическое осмысление исследовательской практики и впечатляющих теоретических достижений исторической социологии. При этом мы сосредоточим внимание в первую очередь на методологических разработках, осуществленных в рамках самой исторической социологии.

Важнейшей методологической проблемой для исторической социологии является проблема соотношения собственно социологии и историографии. Эта проблема освещается в работе Филиппа Абрамса [Abrams, 1993]. Общая позиция Ф. Абрамса заключается в том, что между «настоящей историей» и «настоящей социологией» не может быть разрыва, поскольку они преследуют одну и ту же цель – показать отношения между социальной структурой и социальной агентностью в процессах социально-исторического изменения. Опираясь на творчество классиков социологии, а также на работы крупнейших современных историков, Ф. Абрамс утверждает, что знание, к которому стремятся историография и социология, – это в общем одно и то же знание. По мнению Ф. Абрамса, есть основания говорить и о конвергенции методологических воззрений. В общем это основной тезис методологических рассуждений Ф. Абрамса.

В подтверждение своей позиции он ссылается на то, что практика историографии в настоящее время столь многообразна, столь разнообразна

ны ее пересечения с социологией, что, вероятно, уже нет нужды беспокоиться о формальных различиях и границах двух дисциплин. Вместе с тем Ф. Абрамс предлагает и аргументацию для обоснования этой позиции. В самом кратком виде ее можно представить следующим образом. Если историк и обладает каким-то специфическим предметом изучения – это события. Именно в терминах событий историки конструируют историческую реальность. Даже в тех случаях, когда речь идет о ходе событий, сама идея хода связана с идеей событий. По мнению Ф. Абрамса, и те исторические подходы, которые связаны со стремлением реконструировать моменты или эпохи прошлого без соотнесения с отдельными событиями, в действительности представляют собой способы более адекватного постижения событий.

Определив центральное положение событий в историческом анализе, Ф. Абрамс указывает на то, что социология не уделяла достаточно внимания событиям как объекту анализа. С этим связаны те моменты разрыва между историей и социологией, который исторической социологии надлежит преодолеть.

Деннис Смит сделал объектом своего анализа практически всю историю исторической социологии после Второй мировой войны [Smith, 1991]. Мы обратимся к рассмотрению того сегмента его работы, которая непосредственно посвящена методологической проблематике – «методологическим подходам и стратегиям объяснения», – по собственному выражению Д. Смита.

Д. Смит отмечает, что в академическом мире существует значительное напряжение на границе между социальной теорией и историческим исследованием. Историки могут быть обеспокоены тем, что им навязывают неадекватные общие теории. Это основная причина «остаточного антагонизма» между историками и социологами.

Д. Смит выделяет «три вида деятельности» исторических социологов. Это «первичное исследование» конкретных исторических ситуаций, способствующее пониманию специфики этих ситуаций, их разнообразия и связанных с этими ситуациями социальных изменений. Другой вид образуют «эмпирические обобщения», опирающиеся и на исследования других ученых. Такие эмпирические обобщения соотносятся тем или иным образом с теоретическими проблемами. Наконец, «систематическое теоретизирование» относительно процессов исторического изменения в той или иной мере опирается на результаты первичных исследований и эмпирические обобщения.

В работах исторических социологов устойчиво применяются четыре стратегии объяснения. Речь идет об опоре на те или иные базисные факторы исторического изменения. Итак, стратегия объяснения в исторической социологии может строиться вокруг первостепенного внимания к следующим факторам социального изменения: «отбор, проистекающий из

соперничества»; «системные противоречия»; «инфраструктурные возможности»; «господствующие пути социального изменения».

Методологический сегмент работы Д. Смита состоит фактически в том, что конкретные концепции исторической социологии представляются как ориентированные преимущественно на тот или иной вид деятельности исторического социолога, а также на одну из указанных стратегий объяснения. Кроме того, Д. Смит уделяет значительное внимание характеру ценностно-идеологического отношения представителей исторической социологии к изучаемому ими историческому материалу.

Важное место в рамках литературы, посвященной метатеоретическому изучению исторической социологии, занимает сборник работ «*Vision and method in historical sociology*» [1991], в котором исследуются методологические подходы, использованные в творчестве главных представителей исторической социологии.

Из-за недостатка места мы представим только центральную статью сборника, написанную Тедой Скокпол [Scocpol, 1991]. Т. Скокпол, как известно, сама является одним из главных представителей современной исторической социологии.

Т. Скокпол ратует за открытость исторической социологии, которая не является и не должна становиться только каким-то разделом социологии или какой-то самодостаточной академической специальностью. Подобная открытость должна проявляться как в выборе исследовательской тематики, так и в выборе методологии. К примеру, социологи вправе использовать заимствуемые у историков методы изучения архивов, а также использовать работы историков в качестве «вторичных источников» исторических свидетельств.

Т. Скокпол подчеркивает, что ошибочно жестко связывать историческую социологию с какой-то определенной теоретической, эпистемологической или методологической ориентацией. Более того, подобная попытка не соответствовала бы исследовательской практике в современной исторической социологии. Выбор исследовательской стратегии и методов должен быть делом выбора со стороны индивидуальных ученых или группы ученых. Они вправе выбирать любые понятия, теории, гипотезы, подходящие для решения их задач. Одним словом, в исторической социологии не должно быть механических рецептов, жестких методологических установок.

Вместе с тем можно, по мнению Т. Скокпол, набросать «карту альтернативных исследовательских стратегий», которые использовались и, вероятно, будут использоваться в дальнейшем. В связи с этим она выделяет три основные стратегии, сочетающие исторически ориентированные исследования и социальную теорию, в первую очередь социологическую теорию.

Первая стратегия заключается в использовании одной теоретической модели в целях изучения одного или многих объектов, рассматриваемых

посредством этой модели. Другая стратегия, связанная со скептическим отношением к ценности общих моделей или каузальных гипотез, ориентирована на разработку того, что можно назвать осмысленными историческими интерпретациями. Еще одна стратегия состоит в применении различных, в том числе альтернативных, гипотез с целью выявить определенные каузальные закономерности, объясняющие те или иные исторические процессы или результаты этих процессов.

В 1950–1960-е годы считалось, что социология способна сформулировать приемлемую общую теорию общества, соответственно возможно использование какой-то общей модели применительно к одному или нескольким историческим случаям. Классическим образцом можно считать структурно-функционалистскую теорию эволюционной дифференциации, предложенную в книге Нила Смелзера «Социальное изменение в эпоху промышленной революции» [Smelser, 1959]. Эта теория, как предполагается, может быть применена к бесчисленному количеству исторических случаев. Основу общих моделей, применяемых в целях социологического изучения истории, могут образовывать самые различные идеи – не только структурно-функционалистские.

Основная методологическая проблема, связанная с использованием общих моделей, заключается в произвольности их выбора. О произвольности можно говорить в двух смыслах. Во-первых, сама модель должна быть дана до начала ее использования в исторических исследованиях. Во-вторых, возникают вопросы относительно применимости общей модели к конкретным историческим случаям. Историки в особенной мере вправе утверждать, что факты отбираются произвольно для подтверждения используемой социологической модели.

Если исторические социологи, использующие общие модели, осознают опасность произвольности, то ищут выход, как правило, в комбинировании своего подхода с какими-то вариантами двух других, которые будут рассмотрены ниже.

Вторая стратегия, используемая историческими социологами, заключается в разработке интерпретаций, имеющих широкий исторический охват. В какой-то мере такую стратегию можно считать скептической реакцией на применение теоретических моделей или гипотез в целях выдвижения каузальных обобщений относительно крупномасштабных структур или образцов изменения. Образцами использования данной стратегии в исторической социологии можно считать творчество Рейнгарда Бендикса и Эдварда П. Томпсона.

«Интерпретирующие исторические социологи», как Т. Скокпол называет приверженцев этой стратегии, уделяют значительное внимание «культурно укорененным» интенциям индивидов и групп. Кроме того, они, как правило, выбирают для исследования объекты, значимые с точки зрения нынешней эпохи. Интерпретирующие исторические социологи широко используют компаративистский подход. Они продвигаются, осто-

рожно опробуя альтернативные гипотезы. Ведь с их позиций общие теоретические модели не воздают должное историческим партикуляностям и историческому разнообразию.

Приверженцы третьей основной стратегии в исторической социологии, по мнению Т. Скокпол, фокусируют усилия на разработке адекватного объяснения для какого-то четко определимого результата или образца в истории. К их числу относятся, к примеру, Марк Блок и Бэррингтон Мур. Базисная предпосылка осуществления такой стратегии заключается в признании существования в истории каузальных закономерностей, пусть и ограниченного масштаба. Установлению подобных закономерностей призвано содействовать использование различных, прежде всего альтернативных гипотез. Эти гипотезы могут либо заимствоваться из прежних теорий, либо создаваться заново.

В этой исследовательской стратегии налицо, подчеркивает Т. Скокпол, отсутствие стремления анализировать исторические факты в соответствии с какой-либо предданной общей моделью объяснения. «Аналитические исторические социологи», как называет Т. Скокпол приверженцев такой стратегии, в гораздо большей мере склонны ставить вопросы «почему?», чем приверженцы интерпретативной стратегии.

Особую роль в данной исследовательской стратегии играет компаративистский подход. Основные работы, осуществленные с позиций этой стратегии, представляют собой компаративистские исследования того или иного масштаба. Компаративистские исследования ориентированы на установление общих для нескольких случаев каузальных факторов, призванных объяснить общий для этих случаев исторический феномен. Компаративистские исследования могут быть ориентированы на демонстрацию контрастных различий между одними случаями и другими случаями.

Как видно, метатеоретическое осмысление исторической социологии, а также разработка ее методологической проблематики носят весьма дифференцированный характер. Более того, целый ряд таких разработок могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Так, Деннис Смит уделил значительное внимание анализу работы исторического социолога как субъекта исследовательской деятельности. Это можно рассматривать как важное дополнение к анализу методологической проблематики в строгом или традиционном смысле.

Исторической социологией проделана колоссальная работа, получены в высшей степени ценные теоретические результаты. Мы вправе утверждать, что уровень, разнообразие и результаты методологической саморефлексии исторической социологии в значительной мере соответствуют ее общим достижениям.

Литература

- Гемпель К.* Функция общих законов в истории // *Время мира*. – Новосибирск, 2000. – Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – С. 13–26.
- Кимелев Ю.А.* «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии. – М.: ИНИОН РАН, 2006.
- Кимелев Ю.А.* Западная философия истории на рубеже XX–XXI веков. – М.: ИНИОН РАН, 2009.
- Кимелев Ю.А.* Западная философская антропология на рубеже XX–XXI вв. – М.: ИНИОН РАН, 2007.
- Кимелев Ю.А.* Современная западная философия религии. – М.: Мысль, 1989. – Ч. 2.
- Кимелев Ю.А.* Философия истории: Системно-исторический очерк // *Философия истории: Антология* / Сост., ред. Кимелев Ю.А. – М.: Аспект-пресс, 1995.
- Кимелев Ю.А.* Философия религии: Систематический очерк. – М.: NB, 1998. – Ч. 2.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. – М.: ИНИОН РАН, 1996.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Теория общества Энтони Гидденса // *Современные социологические теории общества*. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – С. 33–57.
- Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: Теория и история. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1.
- Abrams Ph.* Historical sociology. – Ithaca, NY: Cornell univ. press, 1993.
- Acham K.* Philosophie der Sozialwissenschaften. – Freiburg; München: Karl Alber, 1983.
- Alexander J.C.* Sociological theory since 1945. – L.: Hutchinson, 1987.
- Alvera R., Spang K.* Humanidades para el siglo XXI. – Navarra: EUNSA, 2006.
- Angehrn E.* Geschichtsphilosophie. – Stuttgart: Kohlhammer, 1991.
- Baudrillard J.* L'illusion de la fin ou La grève des événements. – P.: Galilee, 1992.
- Baumgartner H.M.* Philosophie der Geschichte nach dem Ende der Geschichtsphilosophie. Bemerkungen zum gegenwärtigen Stand des geschichtsphilosophischen Denkens // *Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten* / H. Nagl-Docekal (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 151–172.
- Bhaskar R.* Scientific realism and human emancipation. – Hassocks: Harvester press, 1986.
- Brauer D.* Rememoración y verdad en la narración historiográfica // *La comprensión del pasado: Escritos sobre filosofía de la historia* / M. Cruz, D. Brauer (comps). – Barcelona: Herder, 2005. – P. 13–39.
- Braybrooke D.* Philosophy of social science. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1991.
- Cruz M., Cuartango R.* Filosofía de la historia al final del siglo XX: Una experiencia racional transformada // *El legado filosofico y científico del siglo XX*. – Madrid: Ediciones Cátedra, 2007. – P. 617–632.
- Cuartango R.* La «destrucción» de la idea de futuro // *Hacia dónde va el pasado. El porvenir de la memoria en el mundo contemporáneo* / M. Cruz (comp.). – Barcelona: Paidós, 2002. – P. 187–206.

- Danto A.C.* Niedergang und Ende der analytischen Geschichtsphilosophie // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 126–147.
- Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / H. Nagl-Docekal (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996.
- Hacia dónde va el pasado. El porvenir de la memoria en el mundo contemporáneo / Cruz M. (comp.). – Barcelona: Paidós, 2002.
- Hollis M.* Philosophy of social science // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by Bunnin N. and Tsui-James E.P. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 375–402.
- Hollis M.* The philosophy of the social sciences. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994.
- La comprensión del pasado: Escritos sobre filosofía de la historia / M. Cruz, D. Brauer (comps). – Barcelona: Herder, 2005.
- Mann M.* Societies as organized power networks. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760.
- Marquard O.* Schwierigkeiten mit der Geschichtsphilosophie: Aufsätze. – 3. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
- Nagl-Docekal H.* Ist Geschichtsphilosophie heute noch möglich? // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / H. Nagl-Docekal (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 7–63.
- Naishtat Fr.* La globalización y la noción filosófica de «historia mundial» (Weltgeschichte) // La comprensión del pasado. Escritos sobre filosofía de la historia / M. Cruz, D. Brauer (comps). – Barcelona: Herder, 2005. – P. 407–430.
- Pompa L.* Philosophy of history // The Blackwell companion to philosophy / N. Bunnin, E.P. Tsui-James (eds.) – Oxford: Blackwell, 2003.
- Readings in globalization / G. Ritzer, Z. Atalay (eds.). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Robertson R.* Globalization: Social theory and global culture. – L.: Polity, 2004.
- Rohbeck J.* Die Fortschrittstheorie der Aufklärung. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1987.
- Rohbeck J.* Technik – Kultur – Geschichte. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000.
- Rosenberg A.* Philosophy of social science. – Oxford: Clarendon press, 1988.
- Ruben D.-H.* The metaphysics of the social world. – L.: Routledge, 1985.
- Runciman W.G.* A treatise on social theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – Vol. 1: the methodology of social theory.
- Runciman W.G.* The social animal. – Ann Arbor: The univ. of Michigan press, 2000.
- Rüsen J.* Geschichtsdenken im interkulturellen Diskurs // Westliches Geschichtsdenken: Ein interkulturelle Debatte / J. von Rüsen (Hrsg.) – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1999.
- Schnädelbach H.* «Sinn» in der Geschichte? – Über Grenzen des Historismus // *Schnädelbach H.* Philosophie in der modernen Kultur – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000. – S. 127–149.
- Scocpol Th.* Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology // Vision and method in historical sociology / Th. Scocpol (ed.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 1991. – P. 356–391.
- Smelser N.J.* Comparative methods in the social sciences. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
- Smelser N.J.* Social change in the industrial revolution. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1959.
- Smith D.* The rise of historical sociology. – Philadelphia: Temple univ. press, 1991.

Vision and method in historical sociology / Th. Scocpol (ed.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 1991.

Westliches Geschichtsdenken: Ein interkulturelle Debatte / J. von Rüsen (Hrsg.). – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1999.

White H. Construcción histórica // La comprensión del pasado. Escritos sobre filosofía de la historia / M. Cruz, D. Brauer (comps). – Barcelona: Herder, 2005.

White H. Literaturtheorie und Geschichtsschreibung // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / H. Nagl-Docekal (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 67–106.